

В. Г. Андреева <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

«Азбука» и «Новая азбука» Л. Н. Толстого

Статья посвящена аналитическому изучению книг Л. Н. Толстого для народного чтения «Азбука» и «Новая азбука», истории создания этих сборников, исследованию их специфики, а также осмыслению их роли в творческом пути Толстого. Первые наброски планов будущей «Азбуки» писатель сделал еще в сентябре 1868 г. В статье приводятся цитаты и анализируется небольшой, но очень значимый отрывок, который фигурирует в записной книжке Толстого под названием «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого». Автор статьи показывает, что педагогическая работа Толстого стала результатом осмысления им положения народа и его нужд в начальном образовании, попыткой развития и просвещения яснополянских крестьян, а также необходимой отдушиной, найденной во время некоторого перерыва в художественном творчестве. Деятельность Толстого, который к этому времени уже стал отцом, по учреждению школ была вызвана и его осознанием значимости воспитания и образования подрастающего поколения. В статье показывается, что как и ко всем другим вопросам, к созданию книг для детского чтения Толстой подошел очень основательно, он оказался педагогом-новатором, во многом открывавшим свои методы и систему обучения.

Отдельное внимание в статье уделяется приемам создания художественной целостности книги, обозначению и осмыслению отдельных форм заимствований и творческих освоений. «Азбука» продумана до мельчайших деталей, и хотя в ней есть место чудесам, читатель чувствует, что художественный мир книги необыкновенно близок к реальности: Толстой не скрывает от читателей страшной правды жизни, он предостерегает реципиента от опасностей и заблуждений, однако делает это очень ненавязчиво. В «Азбуке» Толстой идет к национальному эпосу, который жив в общности русских людей, в народном единении. Автор статьи приходит к выводу о том, что педагогическая деятельность много дала и самому писателю: осмысление еще одной области знания и реальное практическое дело сыграли значительную роль в формировании нового стиля Толстого.

Ключевые слова: Толстой, «Азбука», «Новая азбука», детская литература, стиль, образование, народ, нравственный поиск, педагогика.

V. G. Andreeva

«Alphabet» and «New alphabet» of L. N. Tolstoy

The article is devoted to analytical study of books by L. N. Tolstoy for national reading «The Alphabet» and «The new alphabet», stories of creation of these collections, to a research of their specifics and also judgment of their role in a career of Tolstoy. The writer made the first drafts of plans of future «The Alphabet» in September, 1868. In the article there are citations and a small, but very significant fragment is analysed, which appears in the notebook of Tolstoy under the name «The first book for reading and the Alphabet for family and school with manual to the teacher by Count L. N. Tolstoy». The author of the article shows that pedagogical work of Tolstoy became a result of his judgment of a position of the people and their needs in primary education, attempt in development and education of Yasnaya Polyana peasants and also the necessary outlet found during some break in art creativity. Activity of Tolstoy who had already become by that time a father on establishment of schools was caused also by his awareness of the importance of education and education of younger generation. In the article it is shown that as well as to all other questions, Tolstoy was very responsible when he created books for children's reading, he was the teacher innovator in many respects opening the methods and the system of training.

In the article special attention is paid to methods of creation of the book art integrity, designation and judgment of some forms of borrowings and creative development. «The Alphabet» is thought over in detail and though there is space for miracles, the reader feels that the art world of the book is unusually close to reality: Tolstoy does not hide from readers terrible facts of life, he warns the recipient against dangers and delusions, however does it very unostentatiously. In the «Alphabet» Tolstoy goes to the national epos, which is alive in community of the Russian people, in national solidarity. The author of the article comes to the conclusion that pedagogical activity gave a lot to the writer: judgment of one more field of knowledge and real practical business played a significant role in formation of Tolstoy's new style.

Keywords: Tolstoy, «Alphabet», «New alphabet», children's literature, style, education, people, moral search, pedagogics.

Гениальный писатель, талантливый публицист, мыслитель и философ, Л. Н. Толстой был еще и одаренным педагогом. Все аспекты его деятельности были тесно взаимосвязаны и во многом обуславливали движение Толстого по тому пути самосовершенствования, который он считал перво-степенным для любого человека.

Педагогическая работа Толстого стала результатом осмысления им положения народа и его нужд в начальном образовании, необходимой отдушиной, некоторым перерывом в творчестве художественном. А. М. Зверев очень хорошо передает настроение писателя накануне открытия яснополянской школы и поиск Толстым нового дела: «Осенью 1859 года Толстому кажется, что он его нашел: он посвятит себя народному образованию. В последующие два года педагогика будет главным увлечением Толстого, таким серьезным, словно его судьба зависела от того, сумеет он или не сумеет обучить деревенских марфуток и тарасок» [3, с. 165]. Деятельность писателя по учреждению школ была вызвана попыткой развития и просвещения яснополянских крестьян, и, разумеется, осознанием Толстым, который к этому времени уже стал отцом, значимости воспитания и образования подрастающего поколения. Кроме того, с уверенностью можно сказать, что работа с детьми и подготовка изданий для них сыграли значительную роль в формировании нового стиля писателя. Как справедливо отмечает К. В. Булавкин, «работа над „Азбукой“ совпала у писателя с периодом коренного пересмотра сложившихся приёмов художественного изображения, стиля и языка. Стремясь обновить литературный язык, он решительно вводит в свои произведения лексические и фразеологические богатства народной речи» [1, с. 67]. Б. М. Эйхенбаум назвал «Азбуку» «творческой лабораторией» писателя, в которой проводился эксперимент над языком художественной прозы [11, с. 75]. Большинство исследователей творчества Толстого, обращавшихся к педагогическим работам писателя, считают «Азбуку» одним из его художественных шедевров. «„Азбука“ как долгих лет педагогических исследований и опытов Толстого является уникальным примером собственной образовательной концепции, тесно увязанной с художественными исканиями писателями, прежде всего в области языка. Она уникальна и представляет собой единую книгу, подчиненную определенным педагогическим и художественным принципам», – отмечают Э. М. Жиликова и В. Ю. Скирневская [2, с. 8].

Наверное, мало кто из взрослых русскоязычных читателей не знаком с рассказами из «Новой азбуки» или «Азбуки» Толстого – на слуху у современного читателя такие истории, как «Филипок», «Пожарные собаки», «Слон», «Косточка», «Лев и собачка», «Булька» и др. Кроме того, многие басни и были помняты читателю не по ранее существовавшим образцам, а по переработкам Толстого.

В основу «Азбуки» лег многолетний педагогический опыт Л. Н. Толстого, его наблюдения за особенностями работы с детьми, размышления над выбором наиболее приемлемых и интересных материалов, способствующих планомерному обучению и гармоничному духовно-нравственному развитию детей.

Вне всякого сомнения, «Азбука» стала результатом всей предшествующей сложной литературной и духовной работы писателя, определенным этапом на пути его исканий правды жизни и, что очень важно, частью этой правды. В «Азбуке» и «Новой азбуке» Толстой выступал как педагог-экспериментатор, не побоявшийся сказать свое слово в методике преподавания. Толстой пришел к мысли о необходимости создания книг для обучения детей с твердым убеждением о том, что дворяне практически ничего не знают о народном образовании. Об этом незнании Лев Николаевич писал 14 ноября 1865 г. А. А. Толстой: «Я все много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать resume всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает, или с чем никто не согласен» [9, т. 61, с. 116].

Площадкой для экспериментальной педагогической работы Толстого стала Яснополянская школа для детей, в которой он работал учителем, учился понимать простых ребят, следить за ходом их мысли, осознавать их потребности и интересы. Большинство методов и приемов обучения, которые были использованы Толстым при создании книг для детей, книг для народного чтения, апробировались им в Яснополянской школе в конце 1850-х – начале 1860-х гг. А вопросам педагогики Толстой уделял внимание и на страницах журнала «Ясная поляна». «Толстой, чьи творческие и аналитические способности представляются равновеликими, изменил бы себе, если бы не попытался теоретически обосновать свои занятия педагогикой. В статьях, написанных для журнала „Ясная Поляна“, определены основные принципы его педагогической деятельности, в том числе и основ-

ные требования к учебным книгам и книгам для детского чтения. Эти требования и принципиальные позиции формирования учебной литературы можно проследить по педагогическим статьям практически в полном объеме, оставляя в стороне многие общие и конкретные вопросы школьного дела и его организации», – отмечает Е. В. Николаева [6, с. 40].

Яснополянскую школу Толстой противопоставлял другим официальным школам, обучение в которых, по мысли писателя, одуряющее действовало на учеников, убивало душу и разум. В «Воспоминаниях» Т. Л. Сухотина-Толстая называет обучение детей одним из самых любимых дел отца: «Написав „Четыре книги для чтения” и „Азбуку”, папа захотел проверить их на деле, и опять он принялся за одно из самых любимых дел своей жизни – за обучение крестьянских детей. <...> Для школы было назначено всего два часа с небольшим. Начинались занятия тотчас после нашего обеда, то есть в шестом часу вечера, и продолжались до того времени, как нам пора было идти спать. Папа учил старших мальчиков в своем кабинете. Мама взяла себе девочек и учила их в другой комнате, а мы трое учили совершенно безграмотных детей буквам в передней» [8, с. 101].

Толстой оказался педагогом-новатором, во многом открывавшим свои методы и систему обучения. С самого молодого возраста прекрасно усвоивший пользу и значимость самообразования, Толстой, прежде чем начать работу по составлению «Азбуки», изучил огромное количество научной и учебной литературы, причем и зарубежной, и отечественной. В 1860-1861 гг. Толстой, путешествующий по Западной Европе, знакомится с характерной для Запада системой обучения и воспитания, изучает множество книг, ряд из которых он по заказу направлял в Россию для последующего ознакомления. Так, в архиве писателя хранится большой библиографический список английских книг с отметками – «Заметки об английских учебных книгах для школ» [9, т. 8, с. 395]. Живой интерес Толстого к зарубежным педагогическим системам и освоение опыта коллег, конечно, очень положительно отразились на подготовке писателя к серьезным занятиям педагогикой и составлением собственных книг.

Проблемы педагогики, вопросы воспитания всегда были интересны Толстому как внимательному отцу. Кроме того, непосредственность и чистота нравственного чувства, которые так ценил Толстой в людях, все чаще обращали его внимание на детей. Вспомним, какое большое значение

имеет детская тема в произведениях Толстого. В романах Толстого – «Войне и мире», «Анне Карениной» и «Воскресении» – образы детей во многом призваны показать читателю настоящую жизнь, ее ценность, ее смысл.

Кроме того, в педагогике в начале 1860-х гг. Толстой видит смысл жизни и реальное дело, которое ему всегда было так необходимо. Отчасти разочаровываясь в художественном творчестве, Толстой находит «привязку к жизни» в изучении устройства школ. Вот что пишет Лев Николаевич из Гиера А. А. Толстой 6 декабря 1860 года: «Вы знаете, верно, мое занятие школами с прошлого года. Совершенно искренно могу сказать, что это теперь один интерес, который привязывает меня к жизни. К несчастью, я нынешнюю зиму не могу им заниматься на деле и на месте, а только работаю для будущего» [9, т. 60, с. 362]. Реальное, «новое» дело очень требовалось Толстому после смерти старшего брата Николая, обострившей и воскресившей для писателя многочисленные вопросы о смысле бытия, скоротечности жизни, о месте и назначении отдельно взятого человека, о преходящем и вечном.

Нельзя не учитывать и того, что педагогика, за которую, как и за все другие занятия и увлечения, Толстой взялся страстно и основательно, отчасти подтолкнула писателя к более глубоким размышлениям о нравственном развитии и становлении человека. Н. В. Кудрявая отмечает две позиции, с которых Толстой рассматривал духовные ценности, подчеркивая роль педагогической деятельности в общем пути динамики философских размышлений писателя: «С одной стороны, он рассматривает духовные ценности как нормы должностования, как априорные духовные феномены. Такая позиция, идущая из глубин Ветхого Завета и философии И. Канта, четко просматривается в педагогических статьях 1860-1870-х гг. Но по мере занятий с детьми на темы морали у Толстого обнаруживается тяготение к онтологическому подходу, согласно которому ценности создаются в бытии, в опыте. Более того, он все больше чувствует во время занятий по истории и географии ту „пропасть”, которая возникает в процессе преподавания между „мертвым” содержанием обучения, которое он старается „оживить”, и детьми» [5, с. 276].

Первые наброски планов будущей «Азбуки» Толстой сделал в сентябре 1868 г. В записной книжке писателя есть небольшой, но очень значимый для проекта отрывок, который фигурирует под названием «Первая книга для чтения и Азбука

для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого». Примечательно, что в этом наброске присутствуют многие различные составляющие будущих русских книг для чтения. Здесь есть кратко описанные Толстым этапы обучения чтению: «1. Знание букв; 2. Умение откидывать ненужную “е” в согласных и складывать на слух; 3. Складывать буквы прочтенные; 4. Соединять два склада. Запомнить первый и, прочтя 2-й, повторить 1-й и присоединить к нему второй» [9, т. 48, с. 167]. Толстой предлагает общественности и, в первую очередь, учителям новую систему и методику обучения буквам алфавита (вместо не имевшего альтернативы использовавшегося тогда буквослагательного метода Толстой предложил слуховой метод изучения). Сначала Толстой предполагал изучить алфавит (учитель должен для начала познакомить ученика с буквами, читая за него): к каждой букве алфавита предлагается рисунок, помогающий ребенку быстрее запомнить новую букву. На примере ряда предложений и картинок к ним, также ориентированным на изучение букв в последовательности расположения в алфавите, и одной короткой истории о мальчике Ване и щенке Буяне, Толстой показывает вариант постепенного перехода от одной ступени к другой [9, т. 48, с. 172-177].

В целом методика изучения алфавита и прием постепенного усложнения текстов так и сохранились Толстым, оказались реализованными в окончательном варианте четырех книг для чтения, изменения были внесены лишь в сопровождение букв и предложений рисунками. Педагогический опыт Толстого, его наблюдения за учениками в Яснополянской школе показали, что попытка угадывания школьником буквы по сюжетному рисунку значительно затрудняет восприятие и усложняет процесс обучения. В связи с этим Толстой убрал все иллюстрации с сюжетами и оставил рисунки лишь при изучении букв алфавита, сопроводив каждую букву ясным и понятным рисунком какого-либо конкретного предмета. Иллюстрации были убраны и из небольших предложений-рассказов – Толстой ориентировал ребенка на осознание смысла и предполагал развитие фантазии и воображения учеников.

Примечательно уже это первое название набросков художественно-педагогического проекта: книга Толстого изначально была рассчитана на очень широкую разновозрастную аудиторию. Разумеется, «Азбука» и «Новая азбука» оказались в первую очередь книгами для детей, причем всех сословий (по «Азбуке» обучение языку и основам

наук могло вестись как индивидуально, в дворянских семьях (учителями или родителями), так и массово – в школах). Но по книгам Толстого могли учиться и учились грамоте и уже взрослые крестьяне. Именно этого и хотел сам Толстой, задачей которого было, в первую очередь, образование народа. «Цель одна – образование народа. Одна моя вера (которая, смутно чувствуя, привязала меня к делу воспитания). Мы ничего не знаем. Одна надежда знать – это знать всем вместе – слить все классы в знании науки», – отметил Лев Николаевич в записной книжке 28 марта 1861 г. [9, т. 48, с. 82]. Конечно, значима и сама дата этой записи – прошло около месяца со дня отмены в России крепостного права, вопрос о месте крестьянства как класса и уровне его развития оставался одним из самых актуальных.

С 1868 и примерно до сентября 1871 гг. Толстой проделал значительную подготовительную работу по сбору материала для будущих книг. Им были пересмотрены и изучены учебные книги Н. И. Греча, П. Бенедиктова, диакона Бухарева, А. Дараган, книги для чтения К. Д. Ушинского, П. Е. Басистова, И. И. Паульсона, А. И. Кирпичникова, Ф. А. Гилярова и др. Но, как это характерно для всего творчества Л. Н. Толстого, заимствованные элементы, освоенные им в процессе изучения произведений современников, попадая в художественные миры Толстого, становились особенными, истинно толстовскими и приобретали характерное звучание. Переложение басен и историй, заимствованных у других писателей, зарубежных сказок, наполненных деталями русского быта, придавало «Азбуке» и «Новой азбуке» своеобразный колорит.

22 декабря 1871 г. Толстой отвез первую книгу «Азбуки» в Москву для печати, и в течение трех недель искал подходящую типографию. Толстой заключил договор с типографией Риса, однако сроки работы его в дальнейшем не устроили. В течение первой половины 1872 г. Толстой продолжал работать над первой и второй книгами «Азбуки», отправленными в печать, однако набрана была лишь часть материалов, которые еще необходимо было значительно дополнять в связи с новыми набросками и поправками Толстого. Просмотром и переработкой материалов «Азбуки» занимался ближайший друг писателя, Н. Н. Страхов. Вышла «Азбука» в начале ноября 1872 г., Толстой с нетерпением ждал от П. А. Берса новостей о быстрой продаже книги, однако надежды писателя не оправдались. Продажи и авторитет издания подрывали негативные

отзывы в журналах и газетах, и главное — неодобрение Министерства просвещения. После повторного письма Толстого министру просвещения, после обнародования вердикта комиссии, в целом одобрившей книгу, но адресовавшей отдельные ее части разной аудитории и отметившей ряд замечаний, Толстой занялся переработкой «Азбуки» и созданием «Новой азбуки». Последняя была снабжена авторским предисловием, а также методической статьей «Как учить по слуховому способу», имела более четкое построение частей в динамике от простого материала к сложному. Кроме того, в «Новую азбуку» не был включен ряд рассказов.

«Новая азбука» была одобрена цензурой 5 мая 1875 г., а после рекомендована Министерством народного просвещения для школ.

Предисловие, написанное Толстым для «Новой азбуки», включает краткое описание строения книги, задачу ее: «Задача „Азбуки“ состоит в том, чтобы за наименьшую цену дать учащимся наибольшее количество понятного материала, расположенного в такой правильной постепенности, от простого и легкого к сложному, чтобы постепенность эта служила главным средством обучения чтению и письму, по какому бы то ни было способу» [9, т. 21, с. 3], перечисление возможных трудностей учеников, приемлемости использования учителем различных методов обучения, а также напутственное слово педагогам. Однако в целом «Азбука» и «Новая азбука» вообще не требуют каких-либо пояснений.

Очень важно, что занятия по «Новой азбуке» могли и могут быть полностью самостоятельными. Роль учителя в данном случае ограничивается направлением учеников, которым с самого начала предлагается занимательное самостоятельное чтение. О. В. Кабашева пишет, что на создание «Азбуки» и «Новой Азбуки» Толстой потратил 17 лет: «Для этих учебников Л. Н. Толстым было написано 629 произведений, из них 133 — на естественнонаучные темы» [4, с. 112]. Как много раз говорил и писал сам Л. Н. Толстой, материал в его книгах расположен в порядке усложнения: от простого к сложному. Причем усложняются тексты как по форме, так и по содержанию. От зарисовок-миниатюр, кратких басен, достаточно простых и по своему построению, Толстой переходит к более сюжетным историям. Усложняется постепенно и язык рассказов: в текстах появляются сложные и осложненные предложения, диалоги, в рамках одного текста Толстой использует несколько типов речи, переходя от описания или повествования к

рассуждению. В финалах всех четырех книг для чтения мы видим переработанные тексты былин, а до былин — самые сложные рассказы. Так, к примеру, в конце «Первой русской книги для чтения» помещено более сложное (по сравнению с предшествовавшими ему описаниями «Эскимосы» и «Море») описание «Сан-готардская собака». Описание это уже содержит и географические названия, и описание местности, и краткий сюжет. А следующие далее два рассказа «Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит»; «Как я в первый раз убил зайца» и сказка «Мальчик с пальчик» позволяют маленькому читателю прикоснуться к сложным семейным отношениям, посмотреть со стороны не на одно качество конкретного героя, а оценить ситуации и различные чувства, состояния персонажей. Мы видим любовь, благодарность, стыд и неловкость брата, выручаемого другим братом, а также целую гамму чувств брошенных детей и бросающих их на произвол судьбы родителей.

«Новая азбука» получилась еще и настоящей настольной книгой для учителя и ученика, она была призвана дать ответы на многочисленные вопросы, возникающие у ребят. Толстой мастерски чередует различные занимательные рассказы, не только развивая вкус, обучая языку, но и пополняя знания читателей в различных областях: в книгах для чтения немало важных и ценных знаний по истории («Ермак», «Основание Рима»), географии («Эскимосы», «Сан-готардская собака», «Шат и дон»), ботанике («Яблони», «Дуб и орешник», «Старый тополь», «Черемуха», «Как ходят деревья»), зоологии («Как волки учат своих детей», «Русак»), физике («От скорости сила», «Тепло», «Магнит», «Разная связь частиц», «Кристаллы») и т. п. Сведения из различных областей преподносятся ученикам в форме занимательных рассказов. Примечательно, что в толстовских книгах для чтения мы видим умелое чередование жанров: басни, были, рассказы, описания, рассуждения, сказки, истории перемежаются и, вкуче со сменой областей знаний и объектов изображений, создают пеструю картину маленьких историй, слагающихся в большую жизнь. Отдельно необходимо сказать и о детских рассказах: в «Новую азбуку» в обработке Толстого вошли некоторые истории, придуманные крестьянскими учениками Яснополянской школы («Солдаткино житье»; «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза»).

Работа Толстого над «Азбукой» и «Новой азбукой» показала мастерство писателя в области за-

имствований, освоений и творческих переложений. Более того, трудясь над книгами для чтения, писатель, разумеется, совершенствовал свое искусство творческого освоения текстов (это умение очень пригодилось Толстому при работе над романом «Анна Каренина», который был создан писателем в сложном и богатом литературном контексте (женский вопрос, семейная тема в 1870-е гг. были подняты многими писателями). Для «Новой азбуки» Толстым было переработано множество известных басен и сказок, народных пословиц, поучений, ряд былин. Особое место в «Новой азбуке» принадлежит переложениям басен Эзопа, вольных переложений русских, персидских, индийских, немецких, турецких сказок.

Поистине жемчужинами оказываются среди остальных переработок собственно художественные рассказы Толстого. Маленьким прозаическим шедевром о силе и покорности, о верности и настоящей любви живых существ является рассказ «Лев и собачка». Есть среди толстовских сочинений в «Третьей книге для чтения» даже небольшой цикл историй: «Булька», «Булька и кабан», «Фазаны», «Мильтон и Булька», «Черепашка», «Булька и волк», «Что случилось с Булькой в Пятигорске», «Конец Бульки и Мильтона», посвященный собакам, Кавказу, охоте, взаимоотношениям человека и собаки — одного из самых верных и преданных его спутников. Толстой мастерски описывает обеих собак, и внешний их вид, и поведение. Писатель показывает детям лучшие качества, присущие собакам: находчивость, отвагу, преданность, силу, стремительность, а также учит маленьких читателей видеть в собаках разные характеры, привычки, особенности поведения. Собаки у Толстого по изобретательности иногда уподобляются людям. Так, герой-охотник ничего не может поделать с Булькой, который мешает легавому псу Мильтону искать дичь, но тут сам Мильтон находит выход из ситуации и помогает хозяину отыскать такой способ, который позволит избежать наказания Бульки: «Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог сделать с ним. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперед и мешал ему. Я хотел уже идти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперед, Мильтон бросит след, повернет в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнет хвостом и пойдет опять по настоящему следу» [9, т. 21, с. 237].

Немало среди рассказов описаний, которые кому-то из читателей могут показаться милыми, а кому-то — отвратительными: примером может быть описание собачки Бульки: «У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, черные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу» [9, т. 21, с. 233]. Также важно, что Толстой не скрывает от читателя правду жизни, иногда тяжелую и горькую. Наряду с интересными случаями и прекрасными, увлекательными описаниями в книгах для чтения немало смертей, тяжелых происшествий. Писатель не приукрашивает действительность. Так, в вышеупомянутом цикле историй про собак, как и в целом во всей «Новой азбуке», в «Азбуке» соседствуют прекрасное и страшное, жизнь и смерть. Дело в настоящих сложностях жизни, которая, как показывает автор, всегда может оказаться на грани. Хороший пример тому — ранение Бульки или чудесное спасение пса от колodников из острога, которые убивают бездомных собак. В первом случае читатель сталкивается с несколько натуралистичной картиной спасения пса, которому вправляют кишки и зашивают живот, во втором случае мы видим чудесное спасение Бульки, выскользнувшего от колodников, страшно и безжалостно убивавших собак (сцена убийства дворняжки заставляет содрогнуться даже взрослого человека).

Толстой учит читателей быть осмотрительными и бдительными, быть начеку, а самое главное — быть в ответе за свои поступки. Вспомним, к примеру, гибель коровы Буренушки из были «Корова». Стараясь скрыть следы своего преступления, мальчик Миша, разбив стакан, большие соколки зарывает, а маленькие бросает в поило корове. Буренушка погибает, а семью ждет голод. Целый год бабушка, нанявшаяся в няни, зарабатывает на новую корову, приобретение которой становится настоящим праздником для крестьянской семьи.

Максимальная откровенность Толстого требует «разговора по душам», предельной честности читателя. Помимо обучения языку, развития вкуса, попытки дать начальное практическое образование, Толстой воспитывает своего читателя из народа или маленького читателя, прививает ему ценности и любовь к прекрасному, учит видеть в жизни самое важное и отделять первостепенное от второстепенного.

В «Новой азбуке» нет ни одного рассказа, который бы не содержал морали, наставления, хотя толстовская мораль не явна (в баснях Толстой стандартную финальную мораль, наоборот, почти убирает). Разумеется, эти наставления не даны в форме императива, не высказаны открыто: из самого хода рассказа, из каждой истории читатель должен сделать многозначительный вывод. Толстой напоминает своим читателям о чувстве долга и справедливости, взаимопомощи, доброте, чуткости, жалости и меньшим, осуждает жадность и лицемерие, обманы, подлость и т. д. Так, в басне «Муравей и голубка» главные герои вовремя оказывают помощь друг другу: голубка спасает тонущего муравья, а муравей помогает голубке улететь от охотника, в басне «Лев и мышь» речь идет о такой же взаимовыручке, однако сюжет еще осложнен недоверием льва к мыши и ее способности оказать ему услугу. Благородство и помощь пса пожарным описаны в были «Пожарные собаки» – истории о спасении девочки из пожара большой обученной собакой. Глупость сыновей и злорадство, зависть соседей видим мы в маленькой басне «Дележ наследства», безрассудство любящего человека – в сказках «Мышь-девочка», «Уж», находчивость простых крестьян – в сказках «Липунюшка», «Как мужик гусей делил», были «Как мужик убрал камень», жадность и безволие – в басне «Олень и виноградник».

Есть в «Новой азбуке» и просто ряд историй, повествующих о жизни и ее законах, о том, как несправедливо складываются обстоятельства по отношению к самым преданным существам. В басне «Бешеная собака» хозяину дома приходится стрелять в любимца семьи, Дружка, защитившего детей от бешеного волка, но заразившегося от него бешенством. Рассказ ставит каждого из нас в ситуацию сложного выбора и необходимости решительного поступка: «Барин вынес ружье и подошел к Дружку. Он прицелился в него, но рука тряслась у него, когда он целился. Он выстрелил и не попал в голову, а в зад. Собака завизжала и забила. Барин подошел ближе, чтобы рассмотреть, что с ним. Весь зад у Дружка был в крови, а обе задние ноги перебиты. Дружок подполз к барину и стал лизать ему ногу. Барин затрясся, заплакал и убежал в дом. Тогда кликнули охотника, и охотник из другого ружья до смерти убил собаку и унес ее» [9, т. 21, с. 164]. Поразительно, как лаконично и емко описывает Толстой происшедшее, как с помощью ряда коротких предложений писатель рисует целую картину. В приведенном отрывке из рассказа совсем нет эпитетов, только

субъекты, объекты и действия, однако этот финал вызывает массу чувств.

Отдельное место занимают в «Новой азбуке» сказки. Толстой старался максимально сохранить колорит тех стран, сказки которых он брал для переложения. Благодаря сказкам в «Новой азбуке» живет чудо и его ожидание, максимально расширяются границы повествования, а в художественном мире книги появляются необычные герои.

М. А. Чудакова считает, что опираясь на классификацию нравственных ценностей, рассказы Толстого можно разложить на ряд тем: «1. Чувство справедливости, долг а. 2. Совесть, стыд, ответственность за свои мысли, поступок и. 3. Непротивление злу насилею м. 4. Противоречия, хаос и несчастья, которые порождает человек своим неразумным поведением м. 5. Вера – Любовь – Добро – Благо – Красота» [10, с. 310]. Разумеется, деление рассказов на группы может быть еще более дробным, однако, по нашему мнению, смысл книг состоит как раз не столько в вычленинии отдельных рассказов, сколько в описании всей «Новой азбуки» как художественного целого. Толстой стремится воспитать в маленьких читателях интерес, любовь ко всему живому, умение прислушиваться и присматриваться к окружающему миру, видеть в нем не только себя, а множество живых существ, и при этом осознавать себя как маленькую часть огромного мира.

Формируя образец достойного поведения, Толстой складывает для читателя и образ идеального героя, вбирающего в себя достоинства всех персонажей. Не случайно каждая из книг для чтения, как мы уже говорили, завершается переложением былины: Толстой идет к самому масштабному, к русскому национальному эпосу, с которого все начиналось, который жив в общности русских людей, в народном единении. Образы богатырей, несколько не противопоставленные святым в книгах для чтения, хранят широту, ту подспудную силу, которой велика и могущественна русская земля.

Самым объемным и сюжетным рассказом в «Новой азбуке» является рассказ (быль) «Кавказский пленник», продолжающий тему Кавказа во всей русской литературе и гармонично вписывающийся в эту тему в творчестве Толстого. Быль призвана не только продолжить систему противопоставленных образов во всех книгах для чтения (Жилин – Костылин), но и подвести своеобразный итог этим антитезам. В «Кавказском пленнике» звучит гимн человечности (Жилину помогает выбраться пожалевшая его девочка Дина), и так дан-

ная история, как и вся «Новая азбука», поднимается над русской жизнью и выходит к общечеловеческим ценностям, к наднациональной общности. Однако в то же время в «Кавказском пленнике» рассказывается история о находчивости русского православного человека. Интересен и значим финал рассказа: Жилин, не сумевший снять с ног колодки, с трудом добирается до своих, до русских. Заметившие его татары с легкостью настигли бы Жилина, но и численный перевес отряда казаков, и искренняя сила Жилина заставляют их остановиться: «Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит: Братцы! Братцы! Братцы!» [9, т. 21, с. 325].

Оптимистичный финал этой истории, в который, как это характерно и для всей книги, вливается тема судьбы, случая, очень значим для «Новой азбуки»: плен для Жилина сменяется свободой, а несостоявшуюся по воле случая женитьбу герой с легкостью меняет на дальнейшую службу на Кавказе. Толстой еще раз показывает читателю значимость личной воли, не могущей изменить глобальный ход событий, но в значительной степени формирующей путь отдельного человека.

Сложно переоценить огромное значение «Новой азбуки», четырех толстовских русских книг для чтения. Когда-то писатель заметил, что для него будет великим счастьем, если по его книгам будут учиться два поколения русских детей, от царских до мужичьих. Вот уже полтора века около семи поколений русских детей читают рассказы Толстого, постигая основы разных наук, обучаясь чтению и, что очень важно, постигая многовековой опыт русского народа. Как показывает опыт учителей, работа по ознакомлению младших школьников с произведениями Толстого для детей не только значительно расширяет кругозор читателей, формирует у них правильную систему ценностей, но и дает возможность подготовить ребят «к дальнейшему конструктивному восприятию языка художественных произведений Л. Н. Толстого и других писателей XIX в.» [7, с. 226].

Продуманная архитектура «Новой азбуки», постепенно усложняющийся от рассказа к рассказу язык делают чтение легким и доступным, а максимальная проработка Толстым каждой фразы заставляют восхищаться простотой и понятностью языка. Между тем, чтение «Новой азбуки», познавательное и поучительное одновременно, не приносит просто эстетическое удовольствие и

наслаждение, а является для детей сложной душевной и духовной работой. Каждый маленький читатель, начиная чтение «Новой азбуки», встает не просто на путь познания, но и на путь самосовершенствования.

Библиографический список

1. Булавкин, К. В. «Азбука» Л. Н. Толстого как воплощение концепции национального воспитания [Текст] // Л. Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании. – Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. – С. 64-67.
2. Жилкова, Э. М., Смирновская, В. Ю. Л. Н. Толстой – переводчик басен Эзопа [Текст] // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2017. – № 15. – С. 5-25.
3. Зверев, А. М., Тунимано, В. А. Лев Толстой [Текст] / А. М. Зверев, В. А. Тунимано. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 782 с.
4. Кабашева, О. В. «Азбука» и «Новая азбука» Л. Н. Толстого в исследованиях отечественных авторов [Текст] // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 1 (22). – С. 112-117.
5. Кудрявая, Н. В. Л. Н. Толстой о нравственности и нравственном воспитании [Текст] // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. – М. : ГИИ, 2011. – С. 272-279.
6. Николаева, Е. В. Их предистории работы Л. Н. Толстого над «Азбукой» [Текст] // Филологические науки. – 2010. – № 3. – С. 30-51.
7. Остренкова, Е. А. «Азбука» и «Русские книги для чтения» Л. Н. Толстого в начальной школе: путь к освоению художественного языка писателя [Текст] // Acta linguistica petropolitana. – 2008. – Т. 4. – № 3. – С. 220-226.
8. Сухотина-Толстая, Т. Л. Воспоминания [Текст] / Т. Л. Сухотина-Толстая. – М. : Худ. лит., 1976. – 541 с.
9. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1928-1958.
10. Чудакова, М. А. Духовно-нравственные основы рассказов «Азбуки» Л. Н. Толстого [Текст] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 44. – С. 309-312.
11. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Худ. лит., 1974. – 360 с.

Reference List

1. Bulavkin, K. V. «Azбуka» L. N. Tolstogo kak voploshhenie koncepcii nacional'nogo vospitaniya = L. N. Tolstoy's «Alphabet» as embodiment of the concept of national education [Tekst] // L. N. Tolstoj i russkaja otechestvennaja mysl' o nacional'nom vospitanii. – Ore-hovo-Zuevo : Gosudarstvennyj gumanitarno-tehnologicheskij universitet, 2016. – S. 64-67.

2. Zhiljakova, Je. M., Skirnevskaja, V. Ju. L. N. Tolstoj – perevodchik basen Jezopa = L. N. Tolstoy – an interpreter of Esop 's fables [Tekst] // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. – 2017. – № 15. – S. 5-25.
3. Zverev, A. M., Tunimano, V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy [Tekst] / A. M. Zverev, V. A. Tunimano. – M. : Molodaja gvardija, 2007. – 782 s.
4. Kabasheva, O. V. «Azbuka» i «Novaja azbuka» L. N. Tolstogo v issledovanijah otechestvennyh avtorov = «Alphabet» and «New alphabet» by L. N. Tolstoy in domestic authors' studies [Tekst] // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. – 2015. – № 1 (22). – S. 112.–117.
5. Kudrjavaja, N. V. L. N. Tolstoj o npravstvennosti i npravstvennom vospitanii = L. N. Tolstoy on morality and moral education [Tekst] // L. N. Tolstoj v dvizhenii jepoh: filosofskie i religiozno-npravstvennye aspekty nasledija myslitelja i hudozhnika. – M. : GMT, 2011. – S. 272-279.
6. Nikolaeva, E. V. Ih predystorii raboty L. N. Tolstogo nad «Azbukoj» = Their background of L. N. Tolstoy 's work on «Alphabet» [Tekst] // Filologicheskie nauki. – 2010. – № 3. – S. 30-51.
7. Ostrenkova, E. A. «Azbuka» i «Russkie knigi dlja chtenija» L. N. Tolstogo v nachal'noj shkole: put' k osvoeniju hudozhestvennogo jazyka pisatelja = «Alphabet» and «Russian books for reading» by L. N. Tolstoy in primary school: a way to master the writer's artistic language [Tekst] // Acta linguistica petropolitana. – 2008. – T. 4. – № 3. – S. 220-226.
8. Suhotina-Tolstaja, T. L. Vospominanija = Memories [Tekst] / T. L. Suhotina-Tolstaja. – M. : Hud. lit., 1976. – 541 s.
9. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete set of works in 90 volumes.[Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Hud. lit., 1928-1958.
10. Chudakova, M. A. Duhovno-npravstvennye osnovy rasskazov «Azbuki» L. N. Tolstogo = Spiritual and moral foundations of «Alphabet» stories by L. N. Tolstoy [Tekst] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2007. – № 44. – S. 309-312.
11. Jejhenbaum, B. M. Lev Tolstoj. Semidesjatye gody = Leo Tolstoy. The seventieth years [Tekst] / B. M. Jejhenbaum. – L. : Hud. lit., 1974. – 360 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.05.2019

Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019